

Цзян Ян молчал, и Цзян Шэн принял это за согласие. Он достал медяк и купил два рыбных пирожных. Старик завернул их в масляную бумагу и передал Цзян Шэну. Тот, взяв их, почувствовал, что они действительно горячие, и решил подержать их сам, не передавая брату. Одной рукой он продолжал толкать коляску, пока не почувствовал, что пирожные остыли до приемлемой температуры. Тогда он поднес одно к губам Цзян Яна:

— Ян Ян, ешь.

Цзян Ян не отвечал, не смотрел на пирожное и не собирался его есть. Увидев это, Цзян Шэн не рассердился, а лишь улыбнулся:

— Ян Ян, что это ты опять капризничаешь, как маленький?

Цзян Ян проигнорировал его, и тогда Цзян Шэн просто положил пирожное ему в руку. Как и ожидалось, Цзян Ян взял его и начал есть маленькими кусочками. Цзян Шэн понял, что брат просто не хотел, чтобы его кормили. Эта мысль снова вызвала у него улыбку:

— Ян Ян, ты такой... вредный малыш.

С этими словами он поцеловал Цзян Яна в щеку.

Тут Цзян Ян бросил пирожное на землю и закричал:

— Цзян Шэн! Сукин ты сын!

Услышав это, Цзян Шэн остался спокоен. «Сукин сын, сукин сын» — он слышал это столько раз, что давно уже не чувствовал боли, только легкое щекотание. Он погладил Цзян Яна по щеке:

— Братец... что же мне с тобой делать? Съесть тебя? Или проглотить целиком?

Через некоторое время, когда Цзян Ян успокоился и снова превратился в ледяную куклу, Цзян Шэн продолжил катать его по улицам.

Город Цзянцзинь был местом контрастов: где-то царила роскошь, а где-то — мрак. Все говорили, что чтобы выжить в Цзянцзине, нужно быть либо выходцем из знатной семьи, либо владельцем публичного дома. Хотя оба утверждения были не совсем верны, они отражали жестокость этого мира.

Раньше, до того как Цзян Ян сломал ногу, он любил ходить в самый большой театр города, чтобы послушать оперу. Цзян Шэн знал об этом увлечении брата, и, видя, что сегодня тот согласился выйти, отвез его в театр.

— Чэнь Шимэй!

Едва они вошли в зал, как раздался голос, исполняющий арию. Звук был ровным и мастерским, и Цзян Шэн не мог не восхититься. Теперь он понимал, почему брат так любил это место.

На сцене шла постановка о Цинь Сянлянь, которая обвиняла Чэнь Шимэя в том, что он бросил жену и детей. Актриса, играющая главную роль, была великолепна, а её костюм — безупречен. Цзян Ян, слушая и наблюдая, погрузился в происходящее и даже начал тихо напевать. Увидев, что брат в хорошем настроении, Цзян Шэн позвал слугу и попросил принести стул. Он сел рядом с Цзян Яном и, остановив слугу, дал ему серебряную монету:

— Передай это артистке.

С тех пор, как Цзян Ян сломал ногу, он ни разу не был так счастлив, как сегодня. И, видя радость брата, Цзян Шэн тоже почувствовал себя лучше.

— Цинь Сянлянь сыграла великолепно!

Когда занавес опустился, весь зал аплодировал.

— Говорят, эта актриса совсем недавно пришла в театр!

Но больше всего обсуждали именно «Цинь Сянлянь».

Цзян Шэн молчал, сосредоточившись на брате. Он не любил оперу и не понимал её. Что касается актеров, то, назови это предрассудком или стереотипом, он просто не мог их полюбить.

«Цинь Сянлянь», сойдя со сцены, получила серебряную монету и удивилась. В Цзянцзине сейчас мало кто был так щедр. Следуя указаниям слуги, она увидела Цзян Шэна. Ему было около двадцати семи лет, с высоким носом и легкой улыбкой на губах, что делало его невероятно привлекательным. «Цинь Сянлянь» почувствовала, что где-то его уже видела, но не могла вспомнить, где именно.

Бам! Бам! Бам! Три удара в гонг возвестили о начале следующего акта, и «Цинь Сянлянь» перестала думать об этом, снова выйдя на сцену.

Цзян Ян, увлеченный представлением, забыл о Цзян Шэне, о своих проблемах и даже о том, что его нога сломана. В самый захватывающий момент он попытался встать, чтобы аплодировать, но его тело наклонилось вперед. Цзян Шэн, быстро среагировав, схватил его, чтобы он не упал.

— Братец, — Цзян Шэн похлопал Цзян Яна по спине, — не бойся... не бойся...

Он успокаивал брата, как маленького ребенка, и со стороны могло показаться, что они очень близки.

На улице начался сильный дождь. Цзян Шэн не взял зонт, и даже его слуги, обычно стоявшие снаружи, зашли внутрь, чтобы укрыться от дождя. Представление закончилось, и те, у кого были зонты, начали расходиться. Цзян Шэн не возражал остаться подольше, да и не хотел, чтобы Цзян Ян промок, ведь он мог заболеть...

— Господин, это вам передала мисс Юй.

Слуга протянул красивый масляный зонт с изображением лотосов. Цзян Шэн, следуя взглядом за слугой, увидел «Цинь Сянлянь».

Цзян Шэн нахмурился, но взял зонт. Он владел публичным домом, но терпеть не мог проституток, будь они там по своей воле или нет. То же самое касалось и актеров. Его собственное происхождение было не самым благородным, поэтому он особенно ценил статус. Как и многие, особенно те, кто родился от наложниц, он был очень внимателен к таким вещам.

Цзян Шэн, держа зонт, толкал коляску Цзян Яна, а за ним шли слуги, промокшие под дождём. Зонт был не очень большим, и Цзян Шэн старался, чтобы Цзян Ян не промок. Когда они

вернулись домой, он заметил, что его спина была полностью мокрой.

Управляющий сразу же распорядился приготовить горячую воду, а слуги пошли переодеваться. Хотя Цзян Шэн старался, чтобы Цзян Ян не промок, дождь был слишком сильным, и волосы, и рубашка брата всё же намокли. Цзян Шэн взял белоснежное полотенце и начал вытирать голову Цзян Яна.

— Старший господин, вы тоже вытритесь.

Служанка подала ему ещё одно полотенце. Цзян Шэн, вытерев брата, взял его и начал вытирать свои волосы.

Один из слуг подошел к управляющему Хуану и что-то ему сказал. Тот кивнул и отпустил его, затем обратился к Цзян Шэну:

— Старший господин, вода готова.

Цзян Шэн кивнул и приказал служанке отвести Цзян Яна в ванную, а сам пошел мыться. Он хотел помочь брату, но боялся, что не сдержит себя. Нога Цзян Яна только-только зажила, и Цзян Шэн не хотел снова его травмировать... Он прищурился и улыбнулся. Он не торопился, совсем не торопился.

После горячей ванны Цзян Шэн вышел, а дождь всё ещё шёл. В такую погоду занятий было мало, и он остался в комнате Цзян Яна. Сначала он сделал брату модную причёску, а затем взял книгу и начал читать.

— Гуань гуань цзюй цзю...

Это были стихи из «Шицзина».

Цзян Ян любил читать и часто засиживался до глубокой ночи. Но после того, как он сломал ногу, он ни разу не притронулся к книгам. Цзян Шэн знал, что брат действительно любит поэзию, и каждый день читал ему что-нибудь.

Цзян Ян всё ещё был капризным и часто игнорировал Цзян Шэна...

Но Цзян Шэн не обращал на это внимания, совсем не обращал. За все эти годы их отношения были разными, но сейчас это точно не худший вариант.

— Ян Ян, не упрямясь, — Цзян Шэн положил книгу и вздохнул. — Ты же знаешь, что если я захочу, у меня есть способы справиться с тобой... Почему бы нам просто не прожить так всю жизнь?

— Сукин ты сын, тварь! — закричал Цзян Ян. — Я знаю, что у тебя есть способы сделать мою жизнь адом, так почему бы тебе просто не пристрелить меня! Ты, ты просто хочешь...

Он не смог закончить, это было слишком отвратительно. Настолько, что ему казалось, будто его лёгкие вот-вот взорвутся.

— Я? Что я хочу? — Цзян Шэн прищурился. Он считал, что отдал брату всё своё сердце. Разве он не хотел просто прожить с ним всю жизнь? Разве он не хотел целовать его, любить его, спать с ним? Что в этом плохого!

Он резко швырнул книгу на пол:

— Да, я хочу тебя, я так хорошо к тебе отношусь, и у меня есть только одно желание! Что в этом такого!

Сказав это, он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Цзян Ян ещё не оправился, и не стоит его снова травмировать. Некоторые вещи лучше отложить на потом.

Цзян Ян настороженно смотрел на Цзян Шэна. Внешне Цзян Шэн казался добрым человеком, но на самом деле его сердце было далеко не таким.

<http://bllate.org/book/16249/1461160>